

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Предромантизм: культурное явление и пути его осмысления

Вл. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассмотрено научное осмысление предромантизма как явления европейской культуры XVIII — начала XIX в., охарактеризовано формирование термина, изложена концепция комплексного исследования предромантизма.

Ключевые слова: предромантизм, культурология, тезаурусный подход, комплексное исследование.

Pre-Romanticism: Cultural Phenomenon and Ways of Its Conceptualization

Vl. A. LUKOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article considers a scientific conceptualization of pre-Romanticism as a phenomenon of the European culture of the XVIII — the beginning of the XIX c. The author defines the term formation and represents a conception of integrated study of Pre-Romanticism.

Keywords: Pre-Romanticism, culturology, thesaurus approach, integrated study.

В европейской художественной культуре XVIII в. почти одновременно с Просвещением возникает предромантизм как своего рода оппозиция просветительскому рационалистическому духу. Унаследовавший некоторые существенные особенности барокко и предвосхитивший эстетику романтизма, предромантизм представляет собой вполне самостоятельное и закономерное звено в развитии искусства.

Вместе с тем предромантики не создали законченной художественной системы, поэтому предромантизм был скорее совокупностью определенных тенденций (движением, течением, «теневым» феноменом), чем вполне сформировавшимся направлением в художественной культуре Европы. Перед нами переходное явление, в котором все черты раскрываются в динамике и становлении.

* Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук) и Международной академии наук педагогического образования, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: lookoff@mail.ru

В науке глубоко исследован кризис европейского общества во второй половине XVIII в., приведший к Великой французской революции, и детально изучено формирование и развитие Просвещения как движения, отразившего этот кризис и противопоставившего ему новый тип культуры, новое искусство, основанное на культе Разума (см., напр.: Шартье, 2001).

Но следует учитывать, что помимо просветительства могли существовать и другие формы отражения общественного кризиса. Мыслители, художники XVIII в., перед потрясенным сознанием которых раскрылись контуры надвигающейся катастрофы, поразному, но так или иначе выразили это потрясение. Нам представляется, что наряду с просветительством, подвергшим беспощадной критике все устои феодального общества, на той же социально-исторической почве возникает и предромантизм. Скептицизм просветителей по отношению к существующему укладу жизни и предромантический пессимизм, таким образом, при всем своем глубоким различии оказываются как бы двумя сторонами единого процесса переоценки ценностей абсолютистской эпохи.

Предромантическая концепция мира и человека — это как бы экстраполирование глубокого общественного разлада, отмечаемого предромантиками, на общую картину бытия. Действительность представляется неблагополучной, порой ужасной. Это совсем не то благополучие, которое исправляется разумом, как думали просветители, не тот ужас, от которого один шаг до рая, как это прежде представлялось художникам барокко. Если классицисты XVII в. утвердили в искусстве концепцию мира, соразмерного герою, мира как огромного отражения героического сознания в героическом бытии (и здесь они опирались на ренессансный миф о человеке как мере всех вещей), то в произведениях предромантиков мир несоизмерен человеку, чужд ему, это мир незнакомый, далекий, живущий своей космической, архаической или экзотической жизнью, он полон тревог, опасностей, неожиданностей.

Важной в художественной концепции предромантизма была мысль о существовании потусторонних сил. У предромантиков эти силы скорее порождение фантазии, не управляемой просветительским Разумом. Фантазия и притягивает художников, и пугает их. «Сон разума рождает чудовищ» — тема, проходящая через творчество Ф. Гойи, великого испанского художника, сыгравшего большую роль в развитии предромантических тенденций в европейской культуре. Этот художник, стоящий на рубеже эпох, «знает, что такое подвиг, но знает и что такое зверство. Он знает, сколь просто одно может превратиться в другое» (Прокофьев, 1985: 75).

Предромантизм был значимым культурным явлением. Но его осмысление в науке оказалось необычайно трудным. Ведь XVIII в. европейской культуры традиционно и обоснованно рассматривается учеными как эпоха Просвещения, просветительская мысль и художественная культура продолжают быть в отечественной и зарубежной науке объектом пристального и глубокого изучения. Это объяснимо масштабностью Просвещения, его центральной ролью в культуре.

Однако социокультурная ситуация столетия характеризовалась наличием сразу нескольких художественных направлений и течений, которые вступали в очень сложные взаимодействия и часто переплетались в творчестве отдельных деятелей культуры. Духовная жизнь этого времени была чрезвычайно пестра и многообразна.

Современный этап развития отечественной филологии и культурологии потребовал появления таких методологических концепций, которые позволили бы перейти от общей схемы к описанию реального художественного процесса. С появлением в 1880-е годы историко-теоретического подхода обнаружился целый класс художественных феноменов — переходные эстетические явления. Они были известны и ранее, но не привлекали особого внимания ученых из-за того, что уже сформировавшаяся на основе изучения зрелых явлений система представлений об

эпохе, сложившийся на этой же базе понятийный аппарат не позволяли их описывать достаточно адекватно.

Параллельно происходил еще один интересный процесс в науке, имевший уже не столько методологический, сколько историко-культурный характер. Наметившийся во второй половине XX в. углубленный подход к романтизму, связанный с пересмотром традиционных воззрений на этот сложнейший культурный феномен, заставил исследователей обратиться к проблеме генезиса романтизма. При этом оказалось, что эта проблема не может быть успешно решена до тех пор, пока не будет представлена целостная и четкая картина именно таких явлений, которые не просто предшествовали романтизму, но готовили его появление и, более того, несли в себе (в особой форме, в специфических проявлениях) его черты. И на первом месте здесь оказывается проблема предромантизма.

Предромантизм — термин, который возник столетие назад, на рубеже XIX–XX вв., т. е. достаточно давно, чтобы войти в систему исследовательских категорий. Понятие «предромантизм» формируется примерно в то же время, что и «неоромантизм» (этот термин появился в конце XIX в. в трудах Д. Мережковского, Г. фон Гофманстала и других и затем утвердился в немецком, американском литературоведении, а также в отечественной науке). Именно в это время в результате того, что романтизм XIX в. закончил свое развитие и на рубеже XIX–XX вв. вызвал к жизни уже иные по природе, хотя и окрашенные романтизмом, художественные явления, появилась возможность осмыслить развитие романтических тенденций от их первоначальных проявлений в XVIII в. до последних модификаций в начале века XX.

В 1907 г. в парижском журнале «Revue d'histoire littéraire de la France» французский критик Поль Азар, описывая романтические тенденции в литературе эпохи Великой французской революции, назвал некоторую группу культурных явлений «предромантиз-

мом» (Hasard, 1907). В 1909 г. о «предромантизме» одного из писателей XVIII в. Лоэзеля де Треогата написал французский исследователь Даниэль Морне в статье, опубликованной в том же журнале (Mornet, 1909). Вероятно, это первые использования неологизма. Потом в вышедшей в 1912 г. книге Морне «Романтизм во Франции в XVIII веке» (Mornet, 1912) термин стал использоваться как уже принятый. С легкой руки Морне он получил достаточно широкое признание у критиков, поначалу это не вызывало у них каких-либо возражений.

В те времена это был скорее образ, чем строгий научный термин. Моделью для его конструирования, скорее всего, послужили и «преклассицизм», появившийся двадцатью годами раньше, и название «Прерафаэлитское братство» — самообозначение группы английских художников, возникшей в 1848 г., которая, в духе эстетических исканий Джона Рёскина, в полемических целях взяла за образец живопись «до Рафаэля», провозглашая в викторианской Англии «Средневековое Возрождение».

Существует тенденция представлять предромантизм как первый этап романтизма (напр.: Romantizam, 1966), вытекающая из методологически неоправданного смешения двух хотя и близких, но различных художественных явлений, пренебрежения конкретно-историческим анализом и приводящая к неправомерному обнаружению романтизма в середине и даже в первой половине XVIII в. (точка зрения, согласно которой романтизм проходит через весь XVIII в., исповедуется английскими и американскими исследователями уже более столетия (см., напр.: Beers, 1899; Chew, 1948; Kennel, 1970; Kiely, 1973; Aers, Cook, Punter, 1981; и др.). С другой стороны, в зарубежном литературоведении и искусствознании широко представлена и иная точка зрения, резко расширяющая рамки предромантизма. Ее источником стали фундаментальные работы Поля Ван Тигема (Van Tieghem, 1924–1947), в которых предромантизм рассматривался как целая эпоха между классицизмом и роман-

тизмом, а не как определенное художественное течение.

Следует отметить, что утверждение представления о предромантизме шло в условиях резкой полемики со стороны отечественных и зарубежных ученых, категорически не принимавших ни термина, ни стоящей за ним концепции (см., напр.: Шетер, 1973: 57; Чегодаев, 1974: 22; Peyre, 1971: 18; и др.). «Термин предромантизм, как и термин предклассицизм, неудачен еще и потому, что он создает видимость существования некоего движения с едиными взглядами и единой программой. Речь же идет об отдельных писателях, не связанных друг с другом, порой являющихся противниками», — писал авторитетный французский исследователь Анри Пейр (Peyre, 1971: 18). Действительно, определение последних десятилетий XVIII в. «эпохой предромантизма» не имеет достаточных оснований. Вся сложность этого периода именно и состоит в наличии сразу нескольких литературных направлений и течений, которые не просто существуют параллельно, а вступают в очень сложные взаимодействия даже в рамках творчества отдельного писателя, что и создает для исследователя значительные трудности в определении места этого писателя в литературе. Отсутствие законченности, определенности в предромантизме объясняет, почему исследователи так настороженно относятся к термину «предромантизм» или вовсе его отвергают (см., напр.: Schröder, 1966).

С чем связано многообразие понимания предромантизма (как и его категорическое отрицание)? Думается, одним из решающих факторов выступает следующее обстоятельство: термин «предромантизм» появился в период, когда основы терминологии, системно описывающей литературный процесс Нового времени, уже сложились, и поэтому он должен быть отнесен к особой группе «встроенных» терминов. Последствием введения любого «встроенного» термина становится работа по вычленению в уже структурированном по каким-то основаниям материале некоего объема, составляющего

определенное единство по новому основанию, и конфликт оснований, пока он не преодолен, создает известное напряжение в науке, ставит одну за другой все новые и новые проблемы как конкретного, так и методологического характера, как онтологические, так и гносеологические и аксиологические.

Но, несмотря на это, многое сделано. За столетие исследователи истории культуры, ее различных разделов постепенно вычленили основные явления, к которым можно применить термин «предромантизм». Это, прежде всего, персоналии — представители различных видов искусства: от крупнейших фигур эпохи, в творчестве которых предромантизм представлен лишь как тенденция и применительно к ограниченному количеству произведений (писатели Руссо, Гёте, Шиллер, Гоцци, Блейк, художник Гойя, композиторы венской классической школы), до авторов, тесно связанных с предромантической эстетикой и, собственно, воплотивших ее наиболее убедительно (Макферсон, Чаттертон, Уолпол, Рэдклиф, Пиксерекур, Кенье, Кювелье де Три, Фюсси и целый ряд других). Персоналии выступают в окружении своих произведений, которые допустимо ассоциировать с предромантизмом. При этом в отношении крупнейших авторов выделение корпуса предромантических произведений ведется со всей осторожностью, как правило, без ревизии сложившихся оценок центральных произведений. Далее — это жанры, не укладывавшиеся в прежние концепции и поэтому не только недостаточно изученные, но и не имевшие особых перспектив в плане их углубленного исследования («готический роман», мелодрама, псевдоготический замок и др.). Переход на более высокий уровень абстракции, связанный с выделением принципов искусства, оказывается менее драматичным. Точно так же скорее вызывает интерес, чем решительное возражение, поиск новых (предромантических) элементов художественной формы. Следовательно, ни слишком абстрактный, ни слишком конкретный уровни исследования не составляют принципиаль-

ную помеху «встраиванию» нового термина, так как воспринимаются как периферийные, не содержащие опасности революционной ломки базовых представлений об истории художественной культуры. Если же исследование ведется за пределами европейской культуры, оно вообще довольно свободно в выводах, так как европоцентризм истории мировой культуры, как она понимается на Западе, в западоориентированных регионах, в России, приводит к отнесению на периферию почти всех явлений неевропейского образца (и даже применительно к западной культуре — большинства явлений не англо-франко-немецко-американского образца).

Будучи «встроенным», предромантизм оказывается еще и термином, относящимся к особой группе «ретроспективных» терминов, что еще более осложняет его судьбу в науке. Собственно, все термины с приставками «пред-», «прото-» разделяют эту судьбу, ибо относятся к специфическому способу освоения истории культуры через *ретроспекцию*. Здесь затрагиваются проблемы уже философского и культурологического уровня: дело не только в том, что в доромантической эпохе ищутся некие феномены, предваряющие романтизм, но и в том, можно ли вообще трактовать историю культуры в противоисторическом порядке, не от прошлого к нам (точке наблюдателя, исследователя), а от нас к прошлому, конструируя его по новым культурологическим лекалам.

Эти проблемы не имели достаточно убедительного ответа, пока в сфере культуры господствовали подходы в духе философского позитивизма и преуменьшалось значение особых оснований гуманитарных наук, связанных с миром социокультурных ценностей и норм. Более того, позитивистский объективизм в изучении сложных культурных явлений мешал увидеть их ценностную природу, в итоге проявлялись слишком заметные противоречия исследуемого материала и теории, которые приходилось скрывать путем интерпретаций каждой сложной ситуации в отдельности. Поставленная на рубеже XIX–XX вв. философами баденской

школы неокантианства граница между науками о природе и науками о культуре, оградившая для последних поле исследования значимого для человека (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), свидетельствовала о выдвижении на первый план в гуманитарном знании проблемы понимания Другого, а значит — обширной совокупности смыслов, возникающих в социокультурном пространстве. Сегодня эта линия гуманитарных наук на выявление присущих культурным феноменам смыслов и смысловых комплексов, значительно трансформированная и освященная культурным опытом XX столетия, позволяет более свободно двигаться во времени и пространстве, их порождающих, сохраняющих, воспроизводящих и трансформирующих. Решающим для концептуального обоснования ретроспекции в культурологическом исследовании развития художественной культуры стало появление тезаурусного подхода (см.: Луков, Вал., Луков, Вал., 2008).

В свете этого подхода может быть убедительно представлен процесс возникновения и развития предромантических тенденций в художественной культуре XVIII в. (в более общем социокультурном контексте), их влияния на культуру XIX столетия, осуществлено комплексное исследование предромантизма в эстетике, поэзии, прозе, драматургии, театре, музыке, живописи, графике, архитектуре, скульптуре, парковом искусстве, художественном ремесле (такая попытка осуществлена в монографии: Луков, 2006).

Тезаурусный подход не только допустимо, но даже необходимо соединять с другими научными подходами (подходы выделяются по ведущему научному методу, т. е. уже изначально имеют комплексный характер). Это вытекает из общенаучного принципа дополнительности, предполагающего возможность несовместимости некоторых научных характеристик, которые в этом случае должны восприниматься как дополняющие друг друга. Комплексный культурологический анализ предромантизма становится достаточно полным, если использовать разные научные подходы к изучению художест-

венного процесса: сравнительно-исторический, историко-функциональный, типологический, системно-структурный (в его разновидностях от формального до структурализма), семиотический и ряд других, даже когда они вступают в противоречие друг с другом.

Если методологи точных наук наряду с принципами причинности, соответствия, наблюдаемости, непрерывности развития, красоты научной теории допускают и принцип дополнительности, то он подавно применим в гуманитарном знании, где научность обеспечивается не жесткостью и однозначностью определений, а полнотой и всесторонностью описания объекта, которые являются совокупностью научных подходов (своего рода «точек зрения»).

Можно с уверенностью утверждать, что к настоящему времени уже заложены методологические основы изучения предромантизма как самостоятельного и очень важно-го идейно-эстетического явления.

Но среди работ о предромантизме, к сожалению, почти нет таких, в которых это явление рассматривается во всех главных аспектах, как оно представлено в различных видах искусства разных стран и разных десятилетий, в контексте культуры, так, как об этом писал Ю. М. Лотман: «...Эволюция состоит не в смене одной литературной программы другой, а в изменении всей толщи культуры, всей суммы социальных отношений, всей жизни общества, что влечет за собой изменение структуры литературной ситуации, сдвиги в самом понятии литературы, новое соотношение всех ее элементов, ее отношения к читателю. Частные эволюции — теорий и программ, языковых средств — вплетаются в эту общую ткань, все время меняя смысл под влиянием двух типов отношений: к самим себе в своем прошлом и будущем и к контексту других синхронных им тенденций» (Лотман, 1997: 160).

Частично задача комплексного исследования предромантизма решалась в отдельных работах П. Ван Тигема, в некоторых других зарубежных исследованиях. Следует

особо отметить ряд отечественных публикаций — книгу Е. А. Некрасовой об Уильяме Блейке (Некрасова, 1962), где его графика изучается в сочетании с анализом поэзии; работы Н. А. Соловьевой (Соловьева, 1984, 1988, 2005), в которых к рассмотрению предромантизма в английской литературе добавляется (в разделах о драматургии) театраль-ный контекст; книгу С. В. Хачатурова «Готический вкус» в русской художественной культуре XVIII века» (Хачатуров, 1999), несмотря на возражения автора в отношении самой концепции предромантизма; книгу И. В. Вершинина о «поэтизации» английской культуры (Вершинин, 2003а), где английская поэзия предромантизма рассмотрена в широком контексте всей английской художественной культуры.

Следует учесть, что необходимость комплексного исследования диктует сама история художественной культуры. Так, например, изучая поэзию Г. Р. Державина, нельзя не учитывать того обстоятельства, что его предромантические пристрастия во многом определялись кругом его общения. На это обращал внимание А. В. Западов: «Обрести самого себя» в поэзии Державину помогло сближение с «львовским кружком» — группой молодых поэтов, композиторов, художников, связанных дружескими отношениями и общностью поисков новых путей в литературе и искусстве. В состав кружка входили такие известные впоследствии люди, как поэты Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, композиторы Е. И. Фомин, Д. С. Бортнянский, В. А. Пашкевич, художники Д. Г. Левицкий, В. А. Боровиковский и др. Близи к кружку были Я. Б. Княжнин и Д. И. Фонвизин; какие-то (доныне не раскрытые) отношения связывали с кружком А. Н. Радищева. Именно в кружке сформировалось то направление, которое в истории русской литературы позднее получило наименование «предромантизм» (Западов, 1981: 4).

Предромантизм выступает как предсистема. Что это означает? В отличие от художественных систем в предсистемах художест-

венные принципы реализуются, как правило, в форме тенденций. Удачное определение тенденциям (и в частности, предромантическим) дал И. В. Вершинин: «Под тенденциями мы понимаем феномены культуры (культурные факты, черты, принципы и т. д.), появление которых обладает повышенной вероятностью в исследуемый период (актуальные тенденции, обычно пульсирующие: то нарастающие, то затухающие), или остаточные свидетельства художественных систем, ушедших в прошлое (ретроспективные тенденции, обычно затухающие), или явления, которые получают развитие в будущем (перспективные тенденции, обычно нарастающие). Так, предромантические тенденции оказываются в XVIII веке и актуальными (пульсирующими), и перспективными (нарастающими) — ведущими к формированию романтизма XIX века» (Вершинин, 2003b: 30).

Таким образом, ряд художественных принципов, выдвинутых предромантиками (ориентализм, экзотизм, поэтический историзм и др.), которые выступят позже как системные принципы романтизма, в предромантизме предпочтительно характеризовать как тенденции.

Важно отметить, что при всей значимости этих системных принципов в предромантизме как предсистеме более важную роль играют другие, специфические для переходных явлений, принципы, которые мы называем принципами-процессами.

Принципы-процессы — такие категории, которые передают представление о становлении, формировании, развитии принципов литературы, усилении некой тенденции. Их названия выстраиваются по сходному лингвистическому основанию, подчеркивающему момент становления или нарастания некоего отличительного качества художественного текста на фоне литературной парадигмы (господствующей системы соотношений и акцентов в литературных дискурсах): «психологизация», «историзация», «героизация», «документализация» и т. д. Особую группу среди принципов-процессов со-

ставляют те их них, которые отмечают персональные влияния на литературу. Одно из первых мест в этом отношении занимает понятие «шекспиризация» (см.: Захаров, 2008; Луков, Захаров, 2008).

В эстетике на первое место выходят категории «возвышенного», воплощенного через «ужасное», «оригинального», «готического» (наиболее специфическая категория). Предромантизм самоопределялся через взаимодействие с основными направлениями XVIII в. (классицизм, сентиментализм, рококо, другие явления от позднего барокко до раннего романтизма и реализма). Он выработал свою систему жанров (ключевыми становятся: в поэзии — баллада, в прозе — «готический роман», в драматургии и театре — мелодрама, в архитектуре — «псевдоготический замок» и т. д.) с общей тенденцией к смешению и синтезу видов искусства. Эстетико-философский план предстает через представление о мире как чуждом, непознаваемом и, как правило, враждебном. Зло если и не всегда торжествует, то по крайней мере выступает не как функция добра, а как самостоятельная сила. Победа добра в этом случае экзальтирована, приобретает сказочный, фантастический, мифологический характер. Эстетико-психологический план обычно предстает через «тайну» и «неистовость» героя, концепцию гения (нередко злодея), концепцию жертвы (добродетели, терпящей поражение). «Теневым» характером предромантизма, как и болезненным процессом выхода из «тени», возможно, частично объясняется другая эстетико-психологическая черта, весьма распространенная среди предромантиков, — артэскейпизм («бегство от искусства»).

Предромантизм как художественное явление, оппозиционное Просвещению, складывался поэтапно, с нарастанием к концу XVIII в. «Ядро» предромантизма как переходного явления совпадает с переходной эпохой — с рубежом XVIII–XIX вв.

Предромантизм как явление в итоге его культурологического изучения предстает научно осмысленным в термине «предро-

мантизм», который в ряде областей гуманитарного знания (культурология, литературоведение, искусствознание, эстетика, история культуры) обозначает переходное эстетическое явление — незавершенную систему принципов, художественных образов, моделей повседневности, жанров, «картины мира» и средств ее выражения в европейской культуре XVIII — начала XIX в. (и в отдельных регионах вне Европы), предвещающую романтизм и не осознанную в период своего существования ни авторами, ни публикой в качестве самостоятельного культурного феномена, а конструируемую исследователями ретроспективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вершинин, И. В. (2003а) Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры. Самара.
- Вершинин, И. В. (2003b) Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры : дис. ... д-ра филол. наук. Самара.
- Западов, А. В. (1981) Поэтический путь Державина // Державин Г. В. Стихотворения. М.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы (тезаурусный анализ). М.
- Лотман, Ю. М. (1997) Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993): История русской прозы. Теория литературы. СПб.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.
- Луков, Вл. А. (2006) Предромантизм. М.
- Луков, Вл. А., Захаров Н. В. (2008) Шекспиризация и шекспиризм // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 253–256.
- Некрасова, Е. А. (1962) Творчество Уильяма Блейка. М.
- Прокофьев, В. Н. (1985) Об искусстве и искусствознании. М.
- Соловьева, Н. А. (1984) Английский предромантизм и формирование романтического метода. М.
- Соловьева, Н. А. (1988) У истоков английского романтизма. М.
- Соловьева, Н. А. (2005) История зарубежной литературы. Предромантизм. М.
- Хачатуров, С. В. (1999) «Готический вкус» в русской художественной культуре XVIII века. М.
- Чегодаев, А. Д. (1974) Художественная культура XVIII века // Художественная культура XVIII века : мат. науч. конф. (1973). М.
- Шартье, Р. (2001) Культурные истоки Французской революции. М.
- Шетер, И. (1973) Романтизм. Предистория и периодизация // Европейский романтизм. М.
- Aers D., Cook J., Punter, D. (1981) Romanticism and Ideology: Studies in English Writing 1765–1830. L.
- Beers, H. A. (1899) History of English Romanticism in the 18th Century. L.
- Chew, S. C. (1948) A Literary History of England // The Nineteenth Century and After. N. Y.
- Hasard, P. (1907) Tendances romantiques dans la littérature de la Révolution // Revue d'histoire littéraire de la France. V. 14. P. 555–558.
- Kennel, P. (1970) Romantic England. L.
- Kiely, R. (1973) The Romantic Novel in England. Cambridge (Mass.).
- Mornet, D. (1909) Un «préromantique». Les «Soirées de Mélancholie» de Loaisel de Tréogat // Revue d'histoire littéraire de la France. V. 16. P. 491–500.
- Mornet, D. (1912) Le romantisme en France au XVIII siècle. P.
- Peyre, H. (1871) Qu'est-ce que c'est le Romantisme? P. 1971.
- Robert, P. (1967) Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (Le Petit Robert, t. 1). P.
- Romantizam (1966) // Encyklopedija Likovnih Ujinetnost. Zagreb. T. 4. S. 119–122.
- Schröder, W. (1966) Die Präromantiktheorie — eine Etappe in der Geschichte der Literaturwissenschaft? // Weimarer Beiträge. № 5/6. S. 723–765.
- Van Tieghem, P. (1924–1947) Le Préromantisme. Etudes d'Histoire littéraire européenne. P. T. 1–3.